
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ИДЕЯ ВИЗАНТИЗМА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА

К.Ю. Донских

Творческое наследие Константина Леонтьева изучается сегодня учеными различных отраслей. Это не только философы. Его художественные произведения дают богатую почву для литературоведов и филологов, историософская концепция — для историков.

Леонтьев — удивительного ума человек, разносторонне образованный и впитавший в себя влияние многих культур. Он, много путешествовавший и повидавший несколько стран и народов, был воспитан в семье, где главным в жизни считалась любовь к своей земле, уважение к самодержавию и православная вера. Эти основы, заложенные еще в раннем детстве, оказали огромное влияние на всю его дальнейшую судьбу.

Повзрослев, сменив несколько видов деятельности и мест жительства, он всегда с любовью и теплотой отзывался о своем родовом имении Кудиново, где прошло его детство. Оттуда же, из детства, берет начало и уважение к монархии, которое его мать — будучи любимицей императрицы и с глубоким почитанием относившаяся к царской семье, сумела привить и своему сыну.

Православие же заняло в сознании Леонтьева особое место.

Будучи еще маленьким ребенком и посетив с матерью монастырь, он восхищался красотой и величием увиденного. Через много лет, пройдя через трудности и тяжелую болезнь (которая станет переломным моментом в жизни философа), он незадолго до смерти примет монашеский постриг с именем Климент. Но все эти годы — от детства до монашества — Леонтьев будет жить довольно празднично, даже разгульно, однако, не теряя и не предавая при этом своей «русскости» и храня в сердце посаженные в отрочестве семена любви и долга перед своей землей.

Лев Тихомиров в своих воспоминаниях так напишет о Константине Леонтьеве: «Совершенно не знаю обстановки его воспитания, но у него проявлялась какая-то прирожденная властность, стародворянская тонкость вкуса, а также и стародворянская распушенность. Вообще, он производил впечатление утонченно развитого русского барина. С этим связано и его какое-то физиологическое отвращение от всякого “хамства”» [1. С. 8].

Родина, православие и монархия станут основами творчества философа и писателя. Все его произведения пронизаны тревогой или, наоборот, радостью за родную ему землю. Тревог всегда будет больше. Живя в очень сложное не только для России, но и для всей Европы время, Константин Леонтьев с большой опаской относился к изменениям, как в интеллектуальном мире, так и в мире политическом. Будучи ярким противником всякого рода революций и восстаний, которые, по его мнению, являются предвестниками духовного упадка, он всеми силами пытался отвести Россию от европейского пути. Ее спасение состояло в охране трех основ — родной земли, монархии и православия. Для Леонтьева они неразрывно соединились в понятии византизма. «Отвлеченная идея византизма крайне ясна и понятна. Эта общая идея слагается из нескольких частных идей — религиозных, государственных, нравственных, философских и художественных» [2. С. 19]. По мнению философа, Византия сделала Россию своей наследницей, подарив ей свою культуру и религию. Россия же в свою очередь должна суметь не растерять этого дара, сохранить и по возможности приумножить его.

Византизму противопоставляется понятие славизма. По его мнению, нельзя говорить о славянах как о духовной общности, славизм сам по себе не имеет ценности.

Леонтьев несколько не разделяет славянофильского призыва к объединению славян, доказывая в своих произведениях невозможность такого союза.

Практически все славянские народы подвержены, по мнению философа, влиянию Запада. А сам западный мир стоит на пороге духовного упадка. Европа не приняла византийского наследия, так как сама на тот момент была уже достаточно богата. Те отдельные элементы, которые она все-таки позаимствовала — переработала под себя. Отсюда и революции, либерализм, мещанство, развитие техники — основные факторы, которые губят и обезличивают культуру западного мира. Этого самого обезличивания Леонтьев боялся больше всего. Поэтому простой русский мужик, который, по его мнению, и является подлинным охранителем византийских начал, был ему дороже и милее образованного учителя или доктора, который уже в силу образования «немного европеец». Но мужик этот представлял ценность для философа лишь как носитель традиций, если он перестает таковым являться — сразу же теряет свою ценность. Позже об этом напишет Николай Бердяев: «К.Н. любит не народ, а стиль „народа“. У него преимущественно эстетическое восприятие народа. Моралистические мотивы народолюбия были ему изначально чужды. Он готов был идеализировать русских мужиков как эстетическую противоположность мещанству. Ему нравились сельские церковки, полукрестьянские монастыри, избы под соломенной крышей, мужики за сохой. К простому народу в России, на Балканах, в Турции у него было эстетико-этнографическое отношение. Ему прежде всего нравилась живописность народного быта, своеобразная красочность его, и он хотел бы охранить эту живописность и это красочное своеобразие от разрушительных процессов» [1. С. 132].

Бердяев полагал, что у Леонтьева нет веры ни в будущее России, ни в ее народ. Это и стало, по его мнению, причиной неприятия философом призыва к объединению славян.

Леонтьев действительно с большой осторожностью относился к идее панславизма. Все славянские народы — чехи, поляки, сербы, болгары — так или иначе подвержены влиянию западной культуры. Некоторые из них уже совсем европейцы по духу, другие хоть и близки еще славянским традициям, но ориентируются больше на Запад. «Любить племя за племя — натяжка и ложь. Другое дело, если племя родственное хоть в чем-нибудь согласно с нашими особыми идеями, с нашими коренными чувствами» [2. С. 41]. Но эти народы давно растеряли свое духовное родство с Россией, им не важны ее культура, и даже историческое родство с ней они с удовольствием забыли бы как нечто постыдное.

Желая стать хоть немного европейскими, они полагают, что Россия очень сильно отстала от Европы и поэтому сближаться с ней совсем не выгодно и непрезентабельно. Поэтому стремление к подобного рода объединению приведет в итоге к всеобщему уравниванию, которое в свою очередь разрушит культуру и государственность России.

Объединение с западными славянами не менее опасно и тем, что они совершенно растеряли дух византизма. Они заражены европейским либерализмом, которого Леонтьев боялся не меньше революций. И именно их зараженность может принести России одни беды.

Философ подчеркивает, что эти народы, считающиеся нам братьями, давно забыли об этом родстве. Они не стремятся к русским и часто ищут поддержки со стороны. Россия и сильна только лишь византийскими началами, славизм как таковой не дал ей ничего ценного и важного. Это понятие не несет в себе в отличие от византизма никакой смысловой нагрузки. Целью должно стать создание своей собственной цивилизации, основанной не на политике панславизма, а на византийских основах — это единственное, что сможет удержать Россию от краха, к которому движется Запад. Сила России — в ее самобытности и разнообразии. Множество народов, населяющих ее территорию, делают культуру только богаче своими обычаями и ремеслами, они же помогают сберечь исконно русские традиции, от которых порой сами славяне стремятся избавиться, то ли стесняясь их, то ли и вправду желая быть европейцами.

Стремление обеспеченных и образованных русских людей к европейскому стилю жизни вызывало у Леонтьева неприкрытое негодование и огорчение.

Новоевропейский мир, утративший свой былой пафос и величественность, превратился в мир мещанский, блеклый и не умный. Страшнее такого мира не было, пожалуй, для Константина Леонтьева ничего. Здесь берет корни и знаменитая фраза о «подмораживании» России, за которую на философа обрушилась многочисленная критика. Удивительно, но читатели Леонтьева говорят о нем либо плохо, либо называют пророком и не скрывают своего восхищения.

«Подморозить Россию» следует не столько потому, что она начала гнить, а чтобы не сгнила окончательно за время, пока в мире происходят либеральные войны и революции. Сам философ писал следующее: «...я не понимаю французов, которые умеют любить всякую Францию и всякой Франции служить... Я желаю, чтобы отчизна моя достойна была моего уважения, и Россию всякую я могу разве по принуждению выносить» [2. С. 173]. Русскую интеллигенцию обидели эти сло-

ва, которые, по их мнению, были слишком жестоки и необоснованны. Но «Русская революция как будто бы подтвердила частичную правоту К.Н. Леонтьева. Он оказался провидцем. Падение организующих и скрепляющих византийских начал привело к процессам разложения в России» [1. С. 133].

Сразу после смерти Константина Леонтьева в свет вышло множество публикаций, посвященных его творчеству. Исследователи и критики, по-разному относившиеся к деятельности философа, так же неоднозначно оценивали и понимали его творчество. Для одних оно представлялось в виде цельной системы, для других — в виде отрывочных статей. Кто-то считал первопричиной творчества эстетизм, кто-то — религию. Тем не менее, спорить об этом не имеет смысла, потому, как уже говорилось выше, — все эти основы Леонтьев впитал еще в раннем детстве. В зрелом же возрасте они смогли оформиться в единую идею византизма. Выходит, что философ «вынашивал» ее полжизни, а в остальную половину доказывал важность и необходимость. Все произведения, как художественные, так и философские, проникнуты этой идеей.

Согласно Леонтьеву, идея византизма — это первооснова русского духа. И хотя русское не в моде, тем не менее «...наша серебряная утварь, наши иконы, наши мозаики, создания нашего византизма, суть до сих пор почти единственное спасение нашего эстетического самолюбия на выставках, с которых пришлось бы нам без этого византизма бежать, закрывши лицо руками» [2. С. 22]. Эти слова написаны более ста лет назад, но до сих пор не потеряли своей актуальности. По-прежнему лицом России являются иконы, матрешки, украшения. По-прежнему модно быть немного европейцем, а лучше совсем. Собственно в этом аспекте ничего не изменилось. И, наверное, не изменится никогда. Потому что не меняется менталитет, по сути не меняется и ситуация в мире. За сто лет в культурном плане все осталось на своих местах. Западные славяне предпочитают считать себя задворками Европы, нежели парадной России — это хорошее подтверждение невозможности славянофильского объединения славян.

Николай Бердяев ставил взгляды Леонтьева выше взглядов славянофилов. По его мнению, философ был более независим в своих воззрениях, и леонтьевское неприятие панславизма более беспристрастно, нежели его приятие славянофилами. Но, несмотря на это, Бердяев несомненно преувеличивает факт недооценки русского народа Леонтьевым. Иначе как объяснить стремление последнего сохранить в чистоте в первую очередь именно народ?

Простой люд как никто другой может сохранить традиции, культуру и ремесла. Русский народ — один из самобытнейших в мире, и ценность его отнюдь не в славянском единстве а, наоборот, в национальном разнообразии.

Чем ярче и многообразнее культура, тем, по мнению философа, она богаче. Турки и греки поэтому вызывали его искрению симпатию. Эти народы, в отличии славянских, чтут и берегут свои традиции. Леонтьева восхищает их уважение к старшим не только по возрасту, но и по званию. Уважение не из страха, а воспитанное с самого младенчества. Они не стремятся к европейскому прогрессу, и в этом заключается их ценность, в том числе и для России. Россия вообще должна быть благодарна туркам, так как, по мнению Леонтьева, именно из-за них на Востоке жив византизм и христианство в их первоначальном виде. «Власть турок ме-

шала народам Балканского полуострова окончательно ввергнуться в пучину европейского демократического прогресса. Он считал эту власть благоприятной для охранения древнего православия на Востоке. Он приветствовал турецкие гонения на христиан. „Пока было жить страшно, пока турки часто насиловали, грабили, убивали, казнили, пока в храм Божий нужно было ходить ночью, пока христианин был собака, он был более человек, то есть идеальнее“» [1. С. 63].

Бердяев назовет эту симпатию к туркам «пафосом туретчины» — «туретчина предохраняет от мещанства» [1. С. 63]. Леонтьев действительно в своих художественных произведениях изображает жизнь турок и греков очень ярко, не извращая их образы и характеры. В своих произведениях философ никак не стремится исказить героя художественным приукрашиванием. Тем не менее, его герои не отталкиваются от себя, не вызывают чувства неприязни, а скорее наоборот — их ошибки и провинности хочется списать и простить.

Сам Леонтьев долгое время относился к церкви весьма скептически. Путь к православной вере занял у него не один год. С детства влюбленный в церковные богослужения, находивший их эстетически прекрасными, философ тем не менее долгое время оставался человеком не слишком верующим. Духовный перелом происходит внезапно. Молодой, успешный человек, ведущий ничем не обременительную жизнь, заболевает холерой.

Будучи врачом по специальности, Леонтьев без проблем ставит себе диагноз, в равной мере осознавая свои шансы на выздоровление. Страх смерти в столь молодом возрасте пугает его, и случайно он замечает на стене образ Божьей Матери, недавно подаренный ему заезжими купцами. Леонтьев начинает молиться, прося об исцелении и обещая в случае выздоровления принять монашеский постриг. Проснувшись после долгого и глубокого сна, он понимает, что болезнь отступила. Этот момент принято считать моментом духовного перерождения философа.

В дальнейшем он побывает и на Афоне и в Оптиной пустыни, найдет среди знаменитых на всю Россию старцев настоящих друзей. Но самое важное, что он обретет свою собственную веру. Его вера неразрывно связана с византийскими традициями. Ее основные характеристики — это аскетичность и страх перед Богом. Леонтьев пишет, что нельзя верить и не бояться Бога. Старец Зосима из «Братьев Карамазовых» в его глазах проигрывает другому старцу — Феофану, который и должен олицетворять старчество в России. Отсюда критика Достоевского за «розовое христианство», вводящее в заблуждение интеллигенцию и расставляющее, по мнению философа, неправильные авторитеты.

Владимир Соловьев, тоже уже после смерти Леонтьева, напишет: «Леонтьев религиозно верил в положительную истину христианства в узко-монашеском смысле личного спасения; он политически надеялся на торжество консервативных начал в нашем отечестве, на взятие Царьграда русскими войсками, на основание великой нео-византийской греко-российской культуры; наконец, он эстетически любил все красивое и сильное...» [3. С. 324]. Споры о том, кто же Константин Леонтьев на самом деле, ведутся до сих пор. Одни отзываются о нем с иронией, другие видят монаха. Несомненно, нельзя отрицать значения пострига, который Леонтьев принял перед смертью. Не верно расценивать этот шаг как игру на публику, поскольку философ хотел уйти в монахи еще будучи молодым человеком.

Тогда старцы его отговорили и благословили на занятие литературой. Те самые старцы, к которым в дальнейшем ездили многие знаменитые современники Леонтьева. А сам Леонтьев приезжал к ним не просто как ученик, а как близкий друг. Старцам, пожалуй, было виднее истинное лицо философа, иначе они не приняли бы его с таким радушием. Но для многих современников это не являлось доказательством, и Леонтьева обвиняли в неискренности веры, в том, что он так и не пришел ко Христу. Так, Сергей Трубецкой в своей статье долго и упорно пишет, что религиозное учение Леонтьева «безнравственное и вместе с тем вовсе не религиозное» [4. С. 158], что оно, «усугубляя наружно строгость византийских форм православия, в то же время упраздняет веру, надежду и любовь, заменяя их недоверием, страхом и ненавистью» [Там же]. Тем не менее, в самом конце он признает в Леонтьеве искренность по отношению к церкви и вере. Пишет об отсутствии интереса к тем проблемам и задачам, о которых говорил философ. По мнению Трубецкого, тут Леонтьев глубже и внимательнее и славянофилов и западников. В чем же причина этой непризнанности Леонтьева при жизни?

Пожалуй, самым основным глубоко тайным и интимным поводом к этому неприятию был его византийский эстетизм. Именно из-за этой черты он был чужим для современников, и только небольшое количество друзей и учеников окружало его на протяжении жизни. Его идея византизма долгое время не принималась всерьез, но теперь имя Леонтьева стоит в одном ряду с Данилевским, Шпенглером, Тойнби. Она популярна и сегодня, дав основу течению евразийцев, полагающих что у России своя особая миссия и этническое разнообразие ее народов — ее богатство.

«Константин Леонтьев — огромное явление русской духовной культуры, и знать о нем и его должен всякий, кто желает блюсти и ценить культуру» [5. С. 488] — напишет о нем Петр Струве.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Леонтьев К.Н.* Pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей. — СПб.: Издательство РХГИ, 1995. — Т. 2.
- [2] *Леонтьев К.Н.* Избранное. — М.: «Рарогъ», «Московский рабочий», 1993.
- [3] К. Леонтьев, наш современник // Сост. Б. Адрианов, Н. Мальчевский. — СПб.: Издательство Чернышева, 1993.
- [4] *Леонтьев К.Н.* Pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей. — СПб.: Издательство РХГИ, 1995. — Т. 1.
- [5] *Леонтьев К.Н.* Моя литературная судьба. Воспоминания. — М.: Русская книга, 2002.

BYZANTINISM CONCEPT AND CONCERN IN THE CREATION OF K. LEONTIEV

K.Y. Donskih